

СИБИРЬ: СТРАНИЦЫ ПЕРЕЖИТОГО

На примере своей семьи заслуженный работник культуры Калмыцкой АССР Прасковья Эрдниевна Алексеева рассказывает о том, что пришлось пережить калмыцкому народу после трагических событий декабря 1943 года.

Накануне войны наша семья проживала в колхозе им. Городовикова Западного улуса Калмыцкой АССР. Отец, Алексеев Эрдне Апилевич, как тогда говорили, заведовал начальной школой; сестра, Василиса Алексеева, заканчивала в Москве фельдшерскую школу; брат, Учур Алексеев, учился там же в аспирантуре 1-го медицинского института. Вскоре после начала войны, в июле, сестра уехала на оборонительные работы в район города Вязьма. Их Полевое строительство № 6 базировалось на ст. Издешково. Брат воевал на Западном фронте. Семья его из Москвы эвакуировалась к нам, в Башанту.

В нашем колхозе радио было только в правлении, газет получали мало, информации почти не было. Поэтому когда летом 1942 года усилилось движение войск по шоссе Сандата — Башанта, мы только могли догадываться о каких-то переменах на фронте. У военных мы спрашивали, не отступают ли они? А они обычно нам отвечали, что едут на отдых или на дислокацию. И спрашивать и отвечать на подобные вопросы было одинаково опасно — это считалось распространением ложных слухов, паники. По ночам солдаты спрашивали, нет ли в селе немцев и, убедившись, что нет, расспросив дорогу и набрав воды, уходили в сторону Цороса. Однажды появился немецкий танк. Он двигался со стороны колхоза «Пролетарская победа». Так мы оказались «под немцем», во временной оккупации.

Село наше было в стороне от дороги, небольшое, всего более сотни дворов... Немцы приезжали на машинах, ловили свиней, стреляли кур и увозили свою добычу. Люди боялись ходить в другие села, выходить из домов. Хотя особых бесчинств гитлеровцы у нас не творили. А вот в Башанте они зверствовали. Из тех, кого я знала, были расстреляны старый коммунист, ранее работавший у нас в колхозе парторгом, Иванов Альди Утурович и парторг другого колхоза Имкенова Татьяна (Тавнта). Ее сын Лиджи (Алексей) погиб, сражаясь в партизанском отряде, как и председатель нашего колхоза Щербин Николаевич Даванов...

Какой же радостью для нас было сообщение об освобождении Башанты

в январе 1943 года, которое привез оттуда нарочный.

В феврале—марте в Башанте уже полностью налаживалась нормальная жизнь, работали партийные и советские учреждения. Секретарем райкома партии был И. Н. Чернышов, бывший руководитель партизанского отряда, председателем райисполкома — Б. Б. Ширинов. Открылись школы. Я пошла учиться в 9-й класс.

Летом появились слухи о выселении калмыков, но никто всерьез в это поверить не мог. Слухи ходили двоякие: то, вроде бы, будут выселять всех калмыков, то — только семьи тех, кто ушел с немцами. Такие семьи позже оказались в лучшем положении, чем остальное население, ибо они уже потихоньку готовились к выселению — продавали или забивали скот, запасались продуктами, теплой одеждой.

Директором школы был демобилизованный по ранению молодой учитель Борис Петрович Римович. В ноябре он собрал нас всех на линейку, произнес речь о равенстве наций и народов в СССР, которое «золотыми буквами закреплено в сталинской конституции», о том, что слухи о выселении ложны. Многие ученики, в том числе и я, успокоились и стали готовиться к новогоднему вечеру. Уже находясь в Сибирь, я вспоминала эмоциональную речь нашего директора...

28 декабря 1943 года я зашла после занятий за сестрой в райздрав, где она работала, чтобы вместе идти домой, в колхоз, что находился в 7—8 километрах от Башанты. Василиса сказала, что ее вызвали в райотдел НКВД, чтобы ее не ждала, шла домой одна. Было беспокойно, я видела много войск...

В нашем селе тоже оказались военные, которые расположились в школе, вынеся парты на улицу.

! Дома за столом отца я увидела офицера, который представился: «Майор Филимонов». Я с ним поздоровалась и спросила, правда ли, что войска приехали выселять калмыков? Он не ожидал от меня такого вопроса, сказал: «Нет», — быстро собрал свои бумаги и ушел.

Я занялась домашними делами, помогая большой матери. Поздно вечером из Башанты приехала, одна на бедарке, наша знакомая — участковый врач из села Лалино Гидана Карвина. Так как было поздно, она осталась переночевать.

А ночью подошла легковая машина НКВД. Два работника, один из них

* Гонорар за эту статью автор просит перечислить на расчетный счет № 702101 в Фонд строительства памятника жертвам сталинских репрессий и ссылки калмыцкого народа.

калмык, сделали обыск. Когда меня разбудили, я увидела отца, сидящего в одном белье на постели, и кучу разворошенных вещей среди комнаты. Отцу велели одеться. С собой ему из продуктов дать было нечего. Так его и увезли. Тут зашел майор Филимонов и объявил о нашем выселении. Предложил собраться, взять минимум вещей, одеться потеплее. Нашей гостье Г. Карвиной тоже предложили собраться вместе с нами. Она стала просить, чтобы отпустили ее домой, — там малолетние дети, старая свекровь; она говорила, что ее муж А. М. Джимбинов — офицер, находится в действующей армии. Тогда запрягли ее двуколку и отправили в сопровождении солдата.

На мой вопрос, как же я буду без документов из школы, майор ответил, чтобы я не беспокоилась: с нами едет все наше правительство, вся республика. И я подумала, что мы будем жить все вместе, только на другой территории, в другом месте.

Итак, отца увезли, со мной была больная мать и двоюродная сестра Тания Сарматова. Без разрешения нам не позволяли выйти даже по надобности. В сених стоял солдат...

Среди разбросанных вещей, книг трудно было найти необходимое. У отца дома хранились чистые тетради для выпускных экзаменов по письму и арифметике. Майор попросил разрешения взять несколько штук. Я в сердцах крикнула: «Берите все что угодно!». Он посоветовал мне тоже взять с собой чистые тетради. Он же подал отцовские карманные часы, подарок брата-фронтовика У. А. Алексеева, заезжавшего в апреле 1943 года на несколько дней после освобождения Харькова. Эти тетради и часы оказались самым ценным нашим достоянием в Сибири, помогли пережить зиму 1944 года.

Вещи погрузили на телегу, а нас пешком повели на конный двор. Он был рядом. Узлы сложили кучками на улице, самих загнали в конюшню. Деревня была пустыня, дома пусты, только слышен был лай собак, рев недоеденных коров...

В селе осталось несколько русских семей — Кистеревы, Булавины, и одна семья калмыков — престарелые родственники О. И. Городовикова, дед Пляшка со старухой. Так как они сами не в состоянии были сами себя обиходить, оставили одного паренька-сироту, их родственника. Позднее к ним с фронта вернулась их внучка Данара Джамалинова...

В конюшне нас держали более двух суток. Еды не было. А метрах в 300—400, в базу, остались две коровы, наша и семья брата, пригнанная на зиму, два теленка, гуси, куры. Я попросила у старшего коньбойного разрешения сходить домой. Он отпустил меня с Татьяной в сопровождении солдата. Мы поймали несколько гусей, отрубили им головы и засунули в мешок. Этими гусями и кормились дорогой. Мать, сидя у очага в вагоне, оципывала оконечных птиц. Обрабатывать их было нег-

де, мыть нечем — кое-как готовили себе вариво.

На третьи сутки житья в конюшне подъехали американские машины, крытые брезентом. Нас повезли на Сальск. На станции стоял эшелон, составленный из «телячьих» вагонов с двухъярусными нарами и железными печками. К дверям с перрона были прикреплены доски, по ним мы и грузились в вагоны. Закрыли нас наглухо. Кто был на верхней полке, имел возможность что-либо увидеть через маленькие окна. Началось наше путешествие в неизвестность.

В вагоне кто-то стал «старшим»: регулировал очередность варить пищу на печурке, следил за порядком. Мужчины в нижней части двери прорубили отверстие для естественных потребностей. Мужчинам, детям, взрослым женщинам было легче. А мы, молодые девушки, стеснялись, терпели от остановки до остановки. В сутки один раз эшелон останавливался где-нибудь подальше от населенных мест, всех выпускали из вагонов. Мы в таких случаях образовывали круг и, загораживая друг друга, по очереди пользовались предоставленной возможностью, чтобы справиться нужду. Во время таких остановок я стала пробегать вдоль вагонов в поисках сестры Василисы. Однажды в самом последнем вагоне нашла семью брата, проживавшего после эвакуации из Москвы в совхозе № 112 (ныне совхоз «Комсомолец»). Жена брата Софья Мутуловна Джимбинова работала в совхозной школе. С ней были дети — сын Артур семи лет, дочь Лариса полутора годов и мать брата, наша тетя. В тот вагон поместили людей, которые ездил на Кавказ с солью для обмена ее на картофель. Грязных, уставших с дороги, прошедших большое расстояние пешком людей сразу же отправили в дальний путь. От них весь вагон обзавелся вшами...

Во время пробежек вдоль вагонов стала встречать знакомых из Башанты: учительницу Надежду Сядяковну Шарипову с мужем, бывшим фронтовиком, раненым, на костылях; бывших фронтовиков Григория Джамбинова, председателя колхоза Андрея Порсункова, секретаря райкома партии, бывшую партизанку Клаву Мукукенову и других.

На вторые или третьи сутки переехали через Волгу, было слышно, как громыл мост. Через несколько дней мы увидели горы, снег, стало холодно. На остановках появилась проблема: добыча топлива. Тащили все, кто что увидит. К этому времени в пути нас стали кормить. Вдоль вагонов раздавалась команда: «Два ведра, один мешок!» Два-три человека в сопровождении конвоира уходили за едой и приносили вариво в ведрах, в мешках — хлеб. Все это делилось на обитателей вагона.

На какой-то станции на Урале я попросила одну женщину бросить открытку брату в армию. Я написала ему, что нас всех везут на восток. Брат, получив эту открытку, узнал о нашей судьбе...

На двенадцатые-тринадцатые сутки ночью мы услышали, как навзрост состав перегоняют с места на место, и не понимали, что происходит. А наутро увидели, что выложен один вагончик, после одной такой ночи и не соображали вагона, в котором сидела семья братьев, и ни у кого не могла ничего узнать.

Нас повезли в поселок на берегу, в сторону Итатая Южного берега, и 14 января 1947 года, ввечер, выгрузили на станции Называевская. Один из встречающих эшелон спросил меня: «Иде же ваши трубки? Иде ваши ножки?». Видя недоумение, он ответил, что им говорили, будто все калмыки курят трубки, ходят с ножом, режут людей.

Всех повезли в вагон для обрабатки, после — в казарму военного городка. Итогом распределения семьи по семьям. Мужчины, бывшие фронтовики, договариваясь с теми, кто принимался расселяться, подбирали себе семьи по признаку родства, зяковства, стараясь разместиться ближе к центру. Многие остались в семье Называевке. К концу в казарме остались самые беспомощные да безработные — солдатские вдовы с детьми, в том числе и я с матерью и Гальяной. Меня никто не приглашал с собой, избегали: отец арестован как враг народа.

В один из коротких сибирских зимних дней, к вечеру, издохли несколько собак, сибирских, одиночных, погрузили наш скарб, самим велели идти пешком. Я было послала мать на узлы, но мальчик силой вырвал ее из саней. Я отказалась ехать и стала выгружать мешки, тогда только матери разрешили сесть в сани. Мы обошли следом, ночью, по зимнему лесу. Ночью же нас выгрузили у здания совхоза. Там было тепло. Мы отогрелись и впервые за все время нашего пути раздосадились. Утром нас распределили по квартирам и пустую нам избушку солдаток, которые переехали с родителями. Работать определили на Спасский участок леспромхоза.

Сколько семей нас было, уже не помню, но не было ни одного мужчины, — одни женщины да не только ребята-подростков. Так сюда пришла самая многодетная семья из нашего колхоза — семья Укиных, солдатские жены с детьми Гилана Цедиса, Гилана Керекчинова, Аня Цебекова с братом-подростком и пожилыми родителями, Абля Шучинова, жена военнослужащего, с детьми и другие.

В избе солдатки, куда нас поселили, была русская печь и железная печурка, одинарные окна, и не было тепла. Брали у хозяев сани, плиту, топор, ездили в лес за дровами. Сколько на себе привезешь — хватало на день-два. Дрова сырые, горят плохо — мы дровосеки неопытные, в жизни не видели леса.

Из переселенцев составили бригаду лесорубов. Меня поставили бригадиром и определяли пилить лес. Лесничих было молодая женщина, оживившаяся к нам, исподло, а десятником — здоровенный мужчина, почему-то не служивший в армии. Фамилии его не помню. Был он

очень груб, обзывал нас «немецкими прислужниками», не зря, мол, выслали в Сибирь. А я ему отвечала: «А вы где живете, не в Сибири? Все равно мы живем в Советском Союзе!».

В лесу работали званием по три человека: два пильщика, один обрубщик. Норма на человека — четыре кубометра, а на троих — двенадцать. Снега в лесу — по пояс. Прежде чем пилить, надо было снег откидать, утоптать, чтобы оставшийся пень не превышал 20 см. Спиленные деревья распиливали на бревна по два метра и складывали. Женщины, голодные, раздетые, разутые, сплят одно-два дерева, разведут огонь, набьют трубки сухими листьями и греются у огня. План не выполняли... Лишь несколько молодых девушек, женщин да подростков, такие, как я, Таия Сарматова, Мария и Борис Якины, Аня и Пантелей Цебековы, Абля Шучинова, тянули на себе тяжелый воз лесорубов. Нам стали выдавать хлеб по рабочим карточкам. Когда ездили грузить лес на платформы, получали продукты на обед. Грузить платформы было еще тяжелее, чем пилить лес: бревна тяжелые, приспособлений никаких, поднять тяжелые стволы на платформу, уложить правильно — все было непосильно. Пока научились отличать комель от верхушки, пока приловчились...

Стали обживать на новом месте. Вместе с семьей Шучиновых мы подыскали другую квартиру, более теплую, с хозяйскими дровами. Одна солдатка с детьми уступила нам горницу с печкой-голландкой, сами они спали на русской печи. В этом доме жили две сестры, мужья которых были на фронте, сами они работали на ферме доярками, дети — в школе. В горнице мы спали внавалку на полу. Из посуды был один эмальированный чайник. Колодца в селе не было, чтобы добыть воду, ходили на озеро колоть лед. Моя мать часть тетрадей, взятых с собой по совету майора, дала хозяйским ребятишкам в благодарность за то, что нас приютили в теплой комнате. Их сверстники в школе увидели настоящие тетради и стали ходить к нам. Придут, бывало, с котелком картошки, молча стоят у порога. И мы постепенно все тетради меняли на картофель. В общем, тетради нас здорово выручили...

В феврале или в марте к нам в Спасское добрела жена брата Софья Мутловна, семью которого я потеряла в пути. Их вагон отцепили ближе к Омску, людей поселили в лесу, в собственном хозяйстве военного завода. Она каким-то образом узнала, где мы, и упростила машиниста паровоза довести ее до развезда. Я вместе с ней отпрашилась навестить родных. Там, в собственном хозяйстве, к приезду калмыков подготовили барак из березовых жердей, обмазанных глиной с обеих сторон с печкой посередине, с топчанами из таких же жердей. Тут жили калмыки в основном из Баянты, из совхоза № 112, — из знакомых я увидела лишь учительницу совхозной школы

Марию Николаевну Бальзирову с родителями. Все они работали в подвале, перебирая мороженный картофель. Наши условия, по сравнению с теми, в которых жили здесь, были лучше: мы попали в обжитое село, где были школа, здравпункт, магазин, почта.

К весне нам, работающим, выдали по 16 кг ржи. Мы с Татьяной пошли в село, где была ветряная мельница. Мельник, пожилой мужчина, пока молось зерно, расспрашивал: «Никак не пойму, почему вас сюда переселили? Если как врагов народа, то вам оказывают помощь — выдали зерно. Если невиновные, то зачем людей тронули с родных мест, в военное время заняли транспорт, дорогу, везли сюда, в Сибирь?». Что мы могли ему ответить, когда сами ничего не понимали. Мы говорили: «Кто его знает... Наши братья на фронте, а мы здесь...».

С открытием навигации по сибирским рекам, нас стали готовить к отправке на Крайний Север. Выбирали семьи поменьше, но в которых работоспособных было побольше. Мы с Татьяной обе были трудоспособные, и у нас была одна иждивенка — наша мама. Вот нас и повезли из Спасского в Называевку. Там встретили семью брата, выбравшуюся из подсобного хозяйства. Софья Мутловна предъявила в комендатуре документы, что ее муж военнослужащий и что мы — одна семья. Благодаря ей меня не отправили в район Салехарда. Комендант спецкомендатуры, по всей вероятности, был человеком, понимающим, что по отношению к целому народу допущена несправедливость, если память не изменяет сейчас, то его фамилия была Горбачев. Позже он еще раз сыграл важную роль в моей судьбе...

В Называевке мы с семьей брата стали жить вместе в служебном помещении клуба. Я работала на называевском торфоучастке в трех-четыре километрах от станции, где обитали несколько калмыцких семей в домах, сложенных из торфяных брикетов. Из знакомых здесь жила семья майора Андрея Кононовича Темирова — его жена с тремя детьми, мать...

На работе дали резиновые чуни (тапочки). И две лопаты: одна — короткая, для резки торфа, другая — полусовковая, для сьема нарезанных брикетов. Рабочим выдавали по 700 граммов хлеба, иждивенцам — по 300, так что я ежедневно получала килограмм хлеба — это целое богатство! В обед кормили затирухой из муки, такой горькой, что ее невозможно было есть. Пакет одного дня мы растягивали на два дня, а другой продавали на базаре, чтобы купить молоко для чая.

Татьяна здоровьем была слабее меня, мама жалела посылать ее на тяжелые работы. Она и устроилась в швейную мастерскую. На торфоучастке я выполняла рабочую норму. Один раз мне выдали премию — отрез желтого сатина, который тоже ушел на базар...

К лету мы установили связь с братом. И в июне 1944 года к нам заехал

один лейтенант, которого мой брат попросил вывезти семью в Москву: там у них была комната в общежитии аспирантов в Алексеевском студгородке. Таким образом Софья Мутловна с двумя детьми уехала, а я осталась теперь с двумя старушками — мамой и тетей. Помню, выезжали тайком, на вокзале до самого отхода поезда не появлялись, только перед самым отходом, а поезда были проходящие. Но как бы то ни было, когда брата отозвали с фронта в Москву, семья его уже была там.

В августе 1944 года к нам в Называевку приехал сослуживец моего брата, лейтенант А. Д. Баджугинов: брат прислал с ним пропуск на право въезда в Башкирию, где в городе Ишимбае он служил начальником эвакогоспитала, — пропуск был на имя его матери и мое.

Моя мама согласилась остаться до поры до времени с Татьяной. Опять обратились к коменданту. Разрешения на выезд он не дал, но согласился особенно не разыскивать. В тот период в комендатуре порядки, видимо, были еще не такие строгие, какие установились в 1947—1948 годах после постановления, подписанного Молотовым. Таким образом, комендант спецкомендатуры Называевского района дважды принял участие в моей судьбе...

Мы стали собираться в дорогу. Что возможно было продать — продали, купили на дорогу продуктов, собрали кое-что из постели. Тетушка, на радостях по случаю отъезда, собрала старушек на прощальный чай. Нам завидовали, и каждый в душе надеялся, что его тоже когда-нибудь вызволят из неволи. Когда подошли к станции, поезд уже трогался. Мы на ходу побросали вещи, сели, а наша грузная тетюшка только семенила рядом с вагоном — сесть не сумела. Нашему провозажатому пришлось возвращаться за ней от первого разъезда. Каково было наше состояние, представить невозможно, — уезжали то тайком... Я доехала одна до Омска, на другой день дождалась отставших.

Кое-как добрались до Уфы, потом до Ишимбая...

Брат мой, Учур Абушинович Алексеев, военный врач, тогда майор медицинской службы, находился на фронте с июля 1941 года — сначала на Западном фронте, потом на Южном и в войсках 3-го и 4-го Украинских фронтов. Летом 1944 года его, как и всех других офицеров-калмыков, отозвали с фронта. Из Москвы их направили в город Чкалов Южно-Уральского военного округа, оттуда — в Башкирию. Начали его начальником эвакогоспитала в городе Ишимбай, где он прослужил до 1947 года, когда стал начальником госпиталя инвалидов Отечественной войны в Уфе. Через год демобилизовался, в том же 1948 году защитил кандидатскую диссертацию, а в 1965 году — докторскую, став одним из первых среди калмыков доктором медицинских наук и профессором. Долгое

время брат работал проректором Башкирского медицинского института, заведовал кафедрой до ухода на пенсию. Умер в 1981 году.

Когда в августе 1944 года я приехала к брату, то, конечно, хотела идти работать, чтобы не быть обузой. Но он отправил меня в Москву учиться. В Москве я растерялась: документов об образовании нет, дальше своего района нигде не была — большой город пугал. Я быстренько вернулась в Ишимбай. Тут в газете появилось объявление о дополнительном наборе в учительский институт — на этот раз меня отправили в Уфу. К счастью, у меня сохранилась справка, что я ученица 10-го класса Башантинской средней школы, выданная для обмена паспорта после оккупации. В Уфе я сдала экзамены, получила место в общежитии. Во время прописки проявились все трудности моего положения: калмычка, неизвестно каким образом появившаяся в Уфе, с башантинской пропиской в паспорте, без выписки... Вызывали в милицию, выясняли... Было страшно от того, что неизвестно было, вернешься ли после очередного вызова или опять тебя вышлют в Сибирь, а то и еще дальше. Поехала к брату, рассказала обо всем. Меня прописали в Ишимбае и тут же выписали. Только после этого прописали в Уфе...

В комнате нас жило по 7—8 человек. Удобств никаких. Сами заготавливали дрова, топили печки, мыли полы. Топоры, пилы, ведра, тазы мы покупали в складчину. В общежитии и аудиториях было очень холодно. Отогревались раз в неделю, в бане. Одежда моя состояла из фуфайки, сшитой из красноармейской гимнастерки, да кирзовых сапог. Каждый месяц ездила к брату за «подкреплением»: за это время моя сердобольная тетушка успевала насыпать мешочек сухарей и сэкономить для меня кое-что еще, вплоть до кусочка мыла.

В 1946 году я окончила учительский институт, и меня направили в самый дальний район на юге Башкирии, в Юмагузино, что на границе с Оренбургской областью. Два моих покровителя, два бывших фронтовика, мой брат и А. Д. Баджугинов, собирали меня на работу: на толчке купили пальто, перешитое из офицерской шинели, сапоги, дали наматрасник, солдатское одеяло, — в общем, поделились по-братски.

Несмотря на трудности, было огромное желание учиться. И я поступила на заочное отделение педагогического института. В Министерстве просвещения мне дали направление в Нурлинскую татарскую семилетнюю школу преподавателем русского языка. Я прельстилась близостью Уфы, чтобы быть ближе к своим и ездить на сессии заочного обучения. Сколько раз я избегала комендатуры, а в этом районе мой паспорт, отданный в сельсовет для прописки, задержали. В село приехал сотрудник госбезопасности для допроса. Задавал все те же вопросы: как я,

калмычка, попала в Башкирию, откуда приехала и т. д. После этого в селе мне оставаться было невозможно: прошел слух, что я шпионка, не то японская, не то какой другой страны. Со всего села приходили в школу и на квартиру, где я жила, посмотреть на живую шпионку.

Я кое-как проработала до зимних каникул и уволилась. За паспортом пришлось идти в комендатуру. Там несколько человек вели перекрестный допрос. Один из них, лейтенант, стал кричать, что мы были на оккупированной территории, продавались немцам и прочее. Я, как могла, отбивалась, доказывала, что мы жили так же, как все население, которое не по своей вине очутилось на временно оккупированной территории, что если моя вина заключается в том, что я калмычка, то можете мне присвоить любую национальность, если быть калмычкой — преступление. После этого я зашла к начальнику районного отделения НКВД, который был в чине капитана. Я сказала ему, что если меня возьмут на спецучет, то мне не разрешат работать в школе, а другой специальности у меня нет. Фамилия его была то ли Смоленцев, то ли Смольников, а звали Иван Александрович... Он вызвал лейтенанта спецкомендатуры и велел выдать мне новый паспорт.

Осенью 1948 года я снова взяла в Министерстве направление на работу в среднюю школу села Кушнаренково, недалеко от Уфы, преподавателем истории, все еще не понимая всех сложностей своего положения. Дело, начатое в спецкомендатуре, потянулось за мной и в другой район. И директор школы под тем предлогом, что история — предмет партийный, а я беспартийная, пригласил другого историка. В райкоме партии вместе с секретарем по идеологии он мне это и объявил. Я только и сумела сказать, что у нас в стране «блок партийных и беспартийных», что иной, имея партийный билет, может творить дела похуже, чем я беспартийная... Так меня лишили права преподавать историю.

В 1949 году я перевелась в семилетнюю школу в деревню Кувыково этого же района. Директором было Василий Федорович Афанасьев, бывший фронтовик. Был он очень требователен, не чужд педагогических экспериментов, сторонник трудового воспитания. Требовал директор от нас полной отдачи, заставлял много работать с учениками и с колхозниками. Школа была единственным местом культурного досуга населения, в школе же проводились собрания колхозников, выборы, показывали кино.

Жизнь в колхозе после войны была очень трудной. На трудодни ничего не получали, все выращенное сдавали. Колхозники были задавлены различными налогами. Пришлось угovarивать колхозника на подписку займа, а дома шаром покати, кроме лавок, полатей, — ничего. Одна коровенка-кормилица. С коровы надо сдать 300 литров молока или 20 кг масла. Колхозники

предпочитали сдавать масло, тогда для семьи оставалось сепарированное молоко. Кроме масла, нужно было сдавать мясо, шерсть, яйца. Большинство колхозников — солдатские вдовы, дети которых — разутые, раздетые... Население держалось лесом. Всякими правдами и неправдами ходили в лес за ягодами, отсюда — на катер и в Уфу, чтобы ягоды продать. Из города везли хлеб.

Ученики часто спорили с нами, доказывая, что никакой разницы с крепостным правом нет, что у нас та же барщина — ведь колхозники работают без оплаты; что есть оброк, так как платят всякие налоги натурой. Спорить с ними было трудно...

Однажды В. Ф. Афанасьев спросил меня в учительской при всех учителях: «Скажите, за что расформировали вашу республику?». Я ответила, что летом 1942 года на Дону вел оборону калмыцкий полк, вооруженный винтовками, а часть солдат — даже деревянными макетами ружей, и немецкие танки прорвались к Сталинограду. За это калмыков и выслали в Сибирь. Все молча выслушали, больше вопросов не задавали.

В Кувыково я проработала до 1953 года. Смерть Сталина восприняла так же, как все. Люди ждали, что же будет дальше?..

В 1953 году я по состоянию здоровья, в связи с ухудшением слуха и зрения, ушла из школы. С помощью брата устроилась работать библиотекарем в Республиканской научной медицинской библиотеке Минздрава БАССР, где и проработала до выезда на родину после восстановления автономии калмыцкого народа.

В Элисте начала работать в областной библиотеке, преобразованной затем в республиканскую, была первым ее директором в период организационных и восстановительных работ по созданию библиотеки. Потом перешла в НИИИФЭ.

Считаю, что внесла свой вклад в дело восстановления и развития культуры, науки в республике. Собрана неплохая библиотека по содержанию и значимости книжного фонда, которая служит добрую службу сотрудникам, студентам.

* * *

Возвращаясь к печальным событиям декабря 1943 года, хочу рассказать, что же случилось с моим отцом и сестрой после их ареста в ночь высылки калмыков. Моего отца, Эрды Амильевича Алексеева, взяли из дома, сестру, В. Э. Алексееву, инспектора райздравоотдела. — прямо с работы, в Башанте. И, таким образом, в ту страшную ночь наша семья распалась навсегда. Отца я больше не увидела, сестру распустили в 1946 году в Кустанайской области, мать схоронили родственники в марте 1945 года в Называске, пока я училась в Уфе. Отца арестовали тогда в четвертый раз после 1929, 1931, 1938 годов...

Отец и сестра как «враги народа» были осуждены Особым Совещанием НКВД по 58 статье. Сестру обвинили в том, что она, находясь на оборонительных работах в районе города Вязьма, разглагольствуя, 8 октября 1941 года, в числе других людей, работавших там, попала в окружение.

Дело было сфальсификовано по ложным доносам. Из рассказов сестры, которая настаивала на своей ставке с клеветниками, мы узнали о доносчиках. Очную ставку, правда, производить было не с кем, так как все, кто писал доносы, уже были в Сибири...

Одним из тех, кто проходил по делу отца, был директор соседней Цоресской школы, старый товарищ его по учебе, на правах друга молодости частенько заезжавший в гости, тем более что он был роженцем нашего села. Другим «инициатором» была тоже уроженка этого села, фининспектор райфинотдела, по долгу службы развезжавший по селам. Для придания видимости законности доносам, были собраны подписи нескольких женщин. Одна из них проживает теперь со мной в одном доме...

Среди таких же арестованных в ночь высылки, по рассказам сестры, был Мартышкин, он же Нутугаев или Нутулгаев. При аресте у него отобрали то ли именное оружие, то ли именные часы, которыми он был награжден в Монголии. Он их очень просил вернуть, но, конечно, не вернули. По книге «Синтернационально миссия» (Элиста, 1970) я установила позже полное имя этого человека: Мартышкин Доржа Манжигочин влет партии с 1923 года, находился в Монголии вместе с Х. Б. Кануковым...

Среди арестованных была и Сайко Насурова из Цореса, председатель сельского совета; был и еще пожилой калмык из села Ахунд, фамилии их сестры уже не помню. Арестованных проработали в Башанте до весны 1944 года, затем отобрали в пересыльную тюрьму Новочеркасска, где сестра последний раз видела с отцом. Она попала на вольное поселение своим на пять лет в Кустанайскую область, где отбывала ссылку до декабря 1948 года.

В Кустанас сестре не разрешили работать по специальности, фельдшером, — была она тогда в механических мастерских и по своей специальности получила возможность трудиться только после выздоровления на родину. Она и сейчас еще работает в республиканском санэпидемстанции дневальщице, является старшим санитаром в СССР.

О судьбе отца после записки, сделанной в 1950 году, извела следствия мною куудя сивякка:

«Возвращением Эрды зачисление и сообщением, что Эрды зачислен Вами Алексеев Эрды Амильевич, 1938 года рождения, при перемещении его в УИВД Кемеровской области 8 сентября 1944 года умер в пути следования...»

Поскольку после XX съезда партии беззаконно по отношению к калмыкскому народу было отменено, я считала, что все обвинения, предъявленные на-

роду и отдельным лицам, сосланным, осужденным в связи с выселением, отменяются, что все они реабилитированы. Но в 1964 году партийная организация института отказала мне в приеме в партию в связи с судимостью моих родных. Я тогда обратилась в органы прокуратуры с просьбой о пересмотре дел по обвинению отца и сестры, незаконно арестованных в декабре 1943 года, и получила следующие документы.

«Дело по обвинению Алексева Эрдне Апильевича, 1888 года рождения, до ареста работавшего заведующим начальной школой в колхозе имени Горюховикова Западного района Ростовской области, арестованного 26 декабря* 1943 года, — пересмотрено Президиумом Ростовского областного суда 6 мая 1964 года.

Постановление Особого Совещания при НКВД СССР от 22 апреля 1944 года в отношении Алексева Эрдне Апильевича отменено, и дело прекращено за недоказанностью обвинения.

Алексев Эрдне Апильевич — реабилитирован...».

«Дело по обвинению Алексеевой Василисы Эрднеевны, 1922 года рождения, до ареста работавшей инспектором Западного райздравотдела Ростовской области, арестованной 26 декабря 1943 года, — пересмотрено Президиумом Ростовского областного суда 28 декабря 1964 года.

Постановление Особого Совещания при НКВД СССР от 22 апреля 1944 года в отношении Алексеевой Василисы Эрднеевны отменено, и дело прекращено за недоказанностью обвинения.

Алексеева Василиса Эрднеевна — реабилитирована...».

После трагедии, произошедшей в декабре 1943 года, от нашей семьи остались одни справки... Отца мы больше

не увидели, хотя в справке о реабилитации не указано — «посмертно»... Сестра по молодости лет выдержала все испытания.

Жизнь продолжается. К счастью, честных, добрых людей большинство, и они помогают преодолеть трудности. А их немало. Последствия выселения калмыков и других народов невозможно сейчас измерить. Обжитое веками место искусственно было превращено в пустошь, в мертвую зону. Сколько имущества, скота, колхозного, совхозного и личного, осталось тогда на территории республики брошенным! И это во время войны, когда стране и так было нелегко решать хозяйственные, экономические вопросы.

В 1957 году, когда я приехала в родное село, на месте наших колхозов был образован «новый, целинный» совхоз «Южный». Одна из бывших односельчанок, Шура Кистерева, рассказала, как им было страшно и тяжело жить после нашего выселения: деревня пуста, дома мертвы, кругом рев животных, лай собак. Им, нескольким русским семьям, приходилось чуть ли не сутками работать, поить животных, доить их в землю, потому что перерабатывать молоко негде и некому, увозить некуда.

Выселение разбило людей. Утрачены народные традиции единства, родства, почитания старших, милосердия к немощным. Утрачены и традиции ведения животноводческого хозяйства. Вырваны были сами корни многих семей — на месте родных деревень, сел, где родились, выросли целые поколения, существуют близкие совхозы «южные», «полянские», «балковские» и т. д. Теперь уже ощущаем и угрозу исчезновения родного языка, без знания которого мы перестанем существовать как народ...

* Именно эта дата указана в справке.